

Алексейчикова Н.Н. (г. Могилев)

НЕВЕНЧАНЫЙ БРАК В XVI – XVII ВВ. В БЕЛАРУСИ

В XVI – XVII вв. существовало две формы брака: венчанный, т.е. освященный церковью, и невенчанный. Невенчанный брак в XVI в. получил широкое распространение на всей территории Беларуси. Так уже в конце XV в. киевский митрополит Иоанн отмечал в крестьянской среде наличие языческих традиций, под воздействием которых, простые люди вступали в брак без благословения церкви: *«Иже поймаются без благославения, сочетают ся и жены отметають ся и свое жены пуцают и прилепляются инем»* [по 1, С. 202]. Невенчанный брак упоминается не только в сводах феодального права – Статутах 1529, 1566 и 1588 гг., - в 12 артикуле третьего раздела Статута 1529 г.: *«А ведже тым обычаем маеть быти перевозжоно на бенкарта: естли бы отец властный <...> з невенчаною жоною мел его»*; в 23 артикуле третьего раздела Статута 1566 г. *«<...> А вѣдъже доводъ на бенкарты не инакшый одно таковыи быти маеть, хтобы дѣти не зъ вѣнчалною нешлюбною жоною мѣль...»*; а также в третьем же разделе, но уже в 28 артикуле Статута 1588 г.: *«<...> бенкарты не инакшые, одно таковые быти мають розумены, хто бы не з венчалною жоною и нешлюбною жоною мел...»* [7, С. 52; 8, С. 87; 9, С. 124]; но и отдельно взятых постановлениях короля, в частности королевской грамоте Сигизмунда Старого 1509 г.: *«<...> войтом и бурмистром и радцам, и всим мещаном, по нашим местом и по князьским и по паньским и по духовных. <...> Молвил нам нареченный митрополит Киевский и всея Руси, владыка Смоленский Иосиф, штож дей там многи люди, Русь, в тых местех незаконне мешкають, жоны поймуючи не венчаются, и детей крестити не хотят, и на исповедь не ходят; и которых деи он слуг своих по таковых людей посылает, хотячи их перд собою у праве ставити, и вы дей за ними стоите и не хочете их слугам его выдавати...»* [по 3, С. 126]; и в его же циркуляру, датированном 1540 г.: *«<...> иншыи у блуде мешкають, не венчаючися и <...> дети мезають, а свои жоны од себе отгоняють, так теж и жоны от мужов утекають и за инших идутъ и венчаютъ...»* [по 1, С. 203] Значительный пласт информации, содержащийся в материалах Литовских метрик, городских актовых книгах и различных судебных делах, позволяет говорить о сильной позиции «невенчанного» брака как среди населения Великого княжества Литовского, в состав которого в то время входили белорусские земли. Например, а в актовых книгах могилевского магистрата имеется жалоба *«Ивашко Овсевича Хлусовича»*, о том, что его тесть могилевский мещанин Сенко Ботвиневич сначала выдал свою дочь замуж, а потом забрал ее домой. *«<...> А уряд, выслухавши жалобы и отпору сторон, иж се еще не венчали были межси собою, сказал»*, чтобы Ивашко развелся с дочерью того Сенка [по 3, С. 259 – 260]; или жалоба могилевского мещанина Терешко Лютиковича на Офанасия

Гридкивича, оставившего сестру Лютиковича, а свою невенчанную жену [2, С. 345 – 346].

Что же вызвало к «жизни» данную форму брака? Что способствовало ее возникновению и столь широкому распространению на белорусских землях?

К проблеме возникновения невенчанного брака обращался советский историк Б.А.Романов. В своей работе «Люди и нравы Древней Руси» он отмечает, что венчаный брак существовал только в среде бояр и князей, вошедший в их жизни вместе с христианской верой, в то время как простые люди «*поимают жены своя с плясаньем и гуденьем и плесканьем*», придерживаясь языческих традиций [4, С. 252]. Об этом же свидетельствуют и сами документы. Так приведенный выше отрывок, говорит о том, что Киевский митрополит Иоанн рассматривал в качестве причины бытования невенчанного брака отголоски язычества, которые сохранились в крестьянской среде.

Если говорить о причинах широкого распространения данной формы брака, то здесь, на мой взгляд, следует согласиться с тезисами некоторых исследователей, которые объясняют это слабыми позициями церкви в XVI в., которая была ослаблена развернувшимся реформационным движением и была не в состоянии поставить под жесткий свой контроль брак [1, С. 203; 5, С. 141–142]. Об этом также свидетельствует и тот факт, что представители церкви, в частности митрополит Киевский и Всея Руси владыка Смоленский Иосиф, неоднократно обращались за помощью к светской власти, обвиняя представителей местной «администрации», в сокрытии случаев невенчанного брака, которые благодаря этому извлекали определенную экономическую выгоду. В XVI в. в некоторых воеводствах, невенчаный брак составлял отдельную статью доходов местной казны. Так в ратненском старостве на Волыни такой налог назывался «почеревщизна»: «*Poczerewszczyzna alias gdy który człowiek tam, jako na pograniczu litewskim, tak na wiarę z wdową albo z dziewczką chciał mieszkać, tedy oba szli na zamek i dawali pewną sumę pieniędzy, żeby im tego dopuszczono...*»¹ [1, С. 208].

В XVI в. невенчаный брак в глазах общества считался столь же законным, как и венчаный, поскольку предполагал наделение невесты приданным и венном, равным $\frac{1}{3}$ собственности, со стороны мужа, как это делалось при создании семьи, получавшей благословение со стороны церкви. В 1564 г. Федор Хомяк-Смордовский, женившись на девушке (их брак был невенчаным) и получил за своей женой приданное и отписал ей вено на $\frac{1}{3}$ имущества [по 1, С. 205]. Поскольку при заключении невенчанного брака, не предусматривался такой этап как венчание в церкви, то обязательным условием являлась свадьба, которую играли на протяжении нескольких дней: могилевский мещанин «*Сенка Ботвиневич*», отдал «*дочку свою Соню в стан*

---

¹ Перев. с польск.: «Почеревщизна – это когда какой-нибудь человек хотел жить со вдовой или девушкой по вере, тогда они должны были вдвоем идти в замок и там заплатить некоторую сумму денег, чтобы получить разрешение на это...».

светы малженски пры бытности людей добрых, которая вжо была у дому моем через тры дни...» [по 3, С. 259].

Положение невенчанной жены могло быть не ниже положения жены «венчальной», особенно если не было прямых доказательств того, что она являлась невенчанной женой. Бывали случаи, когда муж составлял на имя невенчанной жены дарственную запись. Например, в XVI в. князь Станислав Воронецкий женился и несколько лет прожил с Мариной Гуливичовой-Смолиговской, сделал ей несколько дарственных записей и даже называл ее «княжной Станиславной Воронецкой» [по 1, С. 205]. На правах законной супруги невенчанная жена могла получить наследство, оставленное ей мужем. Так в 1555 г. в суде рассматривало дело между боярыней Петрушевной и ее свояками. Последние требовали от женщины вернуть им имущество, которое ей оставил ее муж, т.к. они жили в невенчанном браке. Суд принял решение в пользу боярыни Петрушевной, признав за ней права на наследство, с условием, что она «больше не приме мужчыны» [5, С. 141–142]. В этом отношении невенчаный брак, распространенный на белорусских землях в XVI в., имеет некоторые схожие черты с институтом конкубината (сожительства), имевшем место во Франции в XI – XIII вв. В означенное время во Франции была распространена практика упоминания конкубин, с которыми мужчины не редко жили всю жизнь, в завещании [7, С. 42]. Однако, следует отметить, что подобные случаи были редкими, особенно если говорить о шляхте, т.к. «господарские» суды не хотели признавать за невенчанными женами права наследниц, и в основном подобные дела решались в пользу других кровных родственников усопшего, а в отсутствии таковых, князь передавал имущество по своему усмотрению: 12 августа 1533 г. «<...> жаловала его милости тая невестька (Анастасия Раяцар – прим. А.Н.), которая перво сего менила себе жоною венчалною Раяцара быти, на ймя Настасья, на дворанина его милости Тишька Пивова о том, иж он держит на себе именье у повете Новгородскомъ, на ймя Льяники, на чом она после Раяцара зостала <...> А Тишько напротивко того мовил, иж корол, его милость, по животе Раяцара тымъ именьямъ, яко спадком, своимъ его пожаловал и до пана Станислава Олбрахтовича Кгашьтолта, воеводы новгородского, листъ свой писал, ажбы его милость, того ся доведавшы, естли бы она жоною невенчалною Раяцару была, в тое именье увезанье ему дал. И пан воевода <...> о томъ ся доведал, иж тая Настасья невенчалною жоною в Раяцара была, леч кухаркою у него мешькала, оное именье Льяники казал Тишьку на себе держати <...> А такъ, господарь, его милость, тых всихъ листовъ с паны радами своими огледавши и ихъ выслужавши, при томъ именьи Льяникох Тишька Пивова зоставил...» [10, С. 33–35].

Характерной особенностью невенчанного брака была самостоятельность женщины. С одной стороны она принимала решение о заключении брачного союза, и сама могла стать инициатором разрыва супружеских отношений. Так, в 1579 г. в Могилевском магистрате рассматривалось дело о жалобе Ивашко

Овсеевича Хлосивича на его жену, которая самовольно оставила своего мужа и вернулась к отцу, на что отец девушки ответил: *«ач дей я отдаици дочку свою замуж, пытал ее, если бы хотела за того доброго человека, до чого она позволила и з ним у дому его была, нижли приехавши з ним у дом мой, поведила, иж я з ним не поеду...»* [по 3, С. 259].

Имелась разница и в положении детей, рожденных в результате конкубината, по сравнению с детьми из невенчаных браков. В отличие от конкубината, дети, рожденные в лоне невенчанного брака, хоть и не имели прав на имущество по отцовской линии, но все же сохраняли свой социальный статус, т.е. если ребенок рождался в невенчанном браке у шляхтича, то он и сам продолжал оставаться шляхтичем [6, С. 42]. Например, в 1541 г. в суде Городецкого повета рассматривался имущественный спор между детьми боярина Митка Сакой, с Тимошем и другими кровными родственниками, того же Митка. В ходе разбирательства было установлено, что мать Саки и Тимоши *«была невенчальная отцу их»*, в связи с чем они не получили долю наследства. В то же время в рассматриваемом деле их называли не иначе, как боярами, т.е. за ними признавался социальный статус их усопшего отца [по 1, С. 206].

Расторгнуть такой брак было также легко, как и заключить. В городской или земский суд подавалось заявление с указанием причины развода: *«Передъ Матеемъ Суходолскимъ, лентвойтомъ могилевскимъ, ставши очевисто мещанинъ господарскій места Могилевского Остапъ Зенковичъ съ Федорою Федоровною, которую мель за собою въ стане малженскомъ <...> будучы имъ въ стане малженскомъ черезъ колко годъ и не маючы доброго мешканя межъ собою, я, Остапъ Зенковичъ, <...> тую Федору Федоровну, жону мою, зъ стану малженского отъ себе вызволяю и волною чынню вечными часы, <...> я помененого мужа моего Остапа Зенковича отъ себе зъ стану малженского вызволяю и волного чынню вечными часы <...> Которое добровольное и очевистое сознане Остапа Зенковича мещанина господарского рогачевского и Федоры Федоровны <...> учыненое, за прозбою обою ихъ до книгъ мескихъ могилевскихъ записано естъ»* [2, С. 314–315]².

О сильных позициях невенчанного брака, на мой взгляд, свидетельствует и тот факт, что даже служители церкви давали «разводный лист» невенчаным супругам: *«Терешко Лютиковичъ, жаловаль именемъ сестры своее, Мари Лютковны на Офанаса Гридковича, мещанина могилевского, о томъ, штожь дей даль есми былъ за него въ станъ малженскій сестру свою Марю, нижли дей онъ, пропомневшы боязни божое, набравшы се воли свое, оную ону свою а сестру мою покинувши, иншую за жону собе взялъ <...> а сторона отпорная очевисто будучы передъ урядомъ, покладаль листъ роспусный и розводный отъ*

² Хотя, в данном случае, документ и не содержит непосредственного упоминания о том, какой именно брак имеется в виду, однако, на мой взгляд, речь идет именно о невенчанном браке, т.к. развод был дан супругам представителем городской администрации, а также не отмечается необходимость обратиться за разводом к духовному суду, как это делается в других случаях.

свещенника Нестера Иваиовича <...> ижъ тотъ всещеньникъ кузмадемянскій, видечы того Офанаса Гридковича зъ жоною его, ижъ они, не бравшы межъ собою шлюбу, облудне мешкали; кгдамъ имъ былъ хотель шлюбу давати, они жъ незгодного мешканя шлюбу брати не хотели и зъ малженства се доброволне розъвели, съ тыхъ причинъ и тотъ священникъ распустившы, тотъ листъ свой имъ даль» [2, С. 345 – 346].

В XVII в., после победы контрреформации, в Беларуси намечается ослабление позиций невенчанного брака. Он постепенно исчезает из повседневной практики горожан [3, С. 260].

Литература:

1. Бардах Ю. Штудыі з гісторыі Вялікага княства Літоўскага. – Мн., 2002.
2. Историко-юридические материалы. – Витебскъ: Тип. Губ. правл., 1877. - Выпуск. 8.
3. Марзалюк І.А. Людзі нядаўняй Беларусі: этнаканфесійныя і сацыякультурныя стэрэатыпы (X – XVII стст.). – Магілёў, 2003.
4. Романов Б.А. Люди и нравы Древней Руси. – Л., 1947. – 343 с.
5. Сліж Н. Сексуальнае жыццё шляхты Вялікага княства Літоўскага ў XVI – XVIII стст. // Terra alba. Т. II. Homo venerius: Сексуальная прастора беларускай культуры / пад рэд. С.І. Даніленкі. – Мн.: УП “Экаперспектыва”, 2001.
6. Смирнова Е.Д., Рогач С.А. Общественно-правовой и семейно бытовой статус знатной женщины Франции XI – XIV веков.– Мн., 1996.
7. Статут Великого княжества Литовского. 1529 г. – Мн., 1960.
8. Статут Вялікага княства Літоўскага. 1566. – Мн., 2003.
9. Статут Вялікага княства Літоўскага. 1588. – Мн., 1989.
10. Lietuwos metrika (1533 – 1535) 8-oj teismų bylų knyga (XVI a. paraigos kopija). – Vilnius 1999.